

Гаррисон Беллу уже видел Шэнь Линя. И слышал его голос.

Жаль только, тогда Шэнь Лин не обмолвился с ним ни словом и даже не взглянул в его сторону.

И все же тот отчетливый, чистый голос навсегда врезался в память:

— Чжюань, нельзя быть столь неблаговоспитанным.

Беллу давно позабыл, как выглядел тот человек, которого Шэнь Лин так мягко назвал по имени, но его интонацию и выражение лица он не забыл бы никогда.

Уголки его губ тогда тронула снисходительная, беспомощная улыбка, а незнакомая китайская речь лилась плавной, журчащей прохладой. Для Беллу этот статный мужчина в традиционном длинном халате-чаншане стал чистым, сияющим лунным светом, что озарил убогие, погрязшие в грязи переулки чужого города.

Даже к отцу Беллу Шэнь Лин отнесся с изысканной, мягкой учтивостью — словно принимал старого, близкого друга.

И пусть сразу после того, как они обменялись вежливыми приветствиями, случилось нечто, о чем Беллу всю жизнь сожалел и в то же время чему несказанно радовался, — он так и не смог стереть из памяти ни единого жеста, ни единого слова Шэнь Линя.

Свет в Зале Роз медленно угасал. Одиноким белый луч прожектора прорезал полумрак — точно та самая, вечно сияющая в его душе луна. И этот луч высветил на сцене Чжун Ина.

Юноша сидел неподвижно. В этот миг ни торжественные речи, ни аплодисменты переполненного зала больше не имели значения.

Беллу завороченно смотрел на сцену. В тишине раздались изящные вступительные аккорды скрипки. Мелодия «Золотого перезвона» золотой рекой разлилась по залу, проникая в самое сердце старика, но он ждал. Ждал того самого, заветного звука, который должен был сорваться с десяти струн «Изящного созвучия».

Вскоре дирижер сделала жест солисту.

Едва Памела взмахнула палочкой, пальцы Чжун Ина, занесенные над декой, резко и мощно опустились на струны.

Отозвалось древнее черное дерево. Звук, гулкий и чистый, взмыл под купол, разорвав тишину, точно лопнувшая тетива, и эхом повис в воздухе. Тонкие пальцы Чжун Ина заскользили по

струнам. Тот глубокий, берущий за душу рокот, что рождался под его руками, казался невозможным для деревянного инструмента.

Голос десятиструнного циня мгновенно перекрыл мягкое, вкрадчивое звучание оркестра. Вместо тихого журчания ручья наружу хлынула кипящая лава; полетели багровые искры, поджигая сухой камыш и раздувая всепожирающий лесной пожар.

«Золотой перезвон» больше не убаюкивал теплой гармонией. Он заставил слушателей выпрямиться, замереть от напряжения, не в силах оторвать взгляда от бушующего на сцене невидимого пламени. И тем, кто раздул этот пожар, был сам исполнитель, полностью растворившийся в своей музыке.

Облаченный в традиционный китайский чаншань, с убранными за уши волосами, он сидел под мягким белым светом софитов. Его тонкие, благородные черты лица дышали умиротворением и редкой, запоминающейся красотой. Однако движения его рук, резкие и решительные, рождали звуки невероятной, непреклонной силы. Казалось, под его ладонями вибрирует не старинное дерево с шелковыми струнами, а раскаленная сталь, закаленная в бушующем пламени и готовая отлиться в негибемый хребет.

Резкие, хлесткие удары по струнам, срывавшиеся из-под пальцев Чжун Ина, меньше всего походили на благозвучное поздравление для девяностосемилетнего старца. И все же, ведомые мягким аккомпанементом оркестра, они превратились в тяжелый клинок, укутанный языками пламени, который методично бил в огромный колокол где-то в глухих горах.

Беллу действительно услышал этот гул.

Но то были не весенние воды и не заснеженные цветы сливы, которых он ждал. Музыка несла весть о пожаре в сухой степи, о бешеном урагане, ревущем в ущельях. Это было яростное, леденящее душу предостережение, требующее бежать без оглядки. Старику стало трудно дышать.

Никогда еще ему не доводилось слышать столь пугающей музыки. Пламя жгло его сердце, а пронзительный свист ветра перехватывал горло.

Когда Беллу уже показалось, что он испустит дух, характер мелодии сменился. Звуки смягчились, даруя ему мимолетную передышку.

Юноша на сцене, омытый бледным сиянием, перебирал пальцами, сверкавшими словно чистый нефрит. Его прикосновения к струнам сделались нежными, похожими на интимный шепот. Напряжение спало, уступив место мрачной, тихой элегии.

Старик облегченно перевел дух.

Медленное до минор, вступающее в удивительный контраст с си-бемоль мажором оркестра, рождало причудливое созвучие. Боль отступила, мгновенно забытая.

«Изящное созвучие» действительно превосходило любой обычный цинь. Чжун Ин в одиночку противостоял целому оркестру, но его инструмент выдавал столь пронзительный и мощный звук, что заглушить его было невозможно.

Конечно, некоторые гости почуяли неладное в этой версии «Золотого перезвона». Но, будучи лишь приглашенными на праздник, они списали все на причуды юбиляра — дескать, господину Беллу на старости лет захотелось послушать яростную борьбу старинного циня и европейских инструментов.

Оркестр продолжал вести свою партию в благодушном, праздничном си-бемоль мажоре. Цинь же мчался сквозь до-минорную скорбь, подобно бешеному селевому потоку, ворочающему камни, и этот рокот набатом гремел в ушах слушателей, пробуждая их разум от сонной неги.

Зал замер, замороженный. Каждый раз, когда десятиструнный инструмент взмывал в стремительном пассаже, изысканная гармония оркестра бледнела и забывалась. Этот невероятно чистый, пронзительный голос ломал привычную слащавость «Золотого перезвона». Он уводил за собой скрипки и духовые, вовлекая их в неистовый, экстатический ритм, превращая пастораль в поле битвы двух музыкальных стихий.

Великолепием этого исполнения могли восхищаться все, кроме тех, кто присутствовал на репетициях. Для них происходящее было шоком.

Доменико заерзал на стуле с первых же секунд. Пусть у инструмента Чжун Ина было на три струны больше, но сама музыка лишилась былой нежности. В ней клокотала ярость, которую невозможно было скрыть.

Не выдержав, пианист выскочил за кулисы и схватил за руку стоявшего там Ли Цзиньцю, который с довольным видом слушал концерт.

— Цю, ради бога, что это такое?!

— Погребальный звон, — ухмыльнулся Ли Цзиньцю. — Мы с Чжун Ином три дня не вылезали из усадьбы Беллу, чтобы устроить старику достойные проводы.

— Ты с ума сошел!

Доменико перешел на свистящий шепот, указывая в темноту зрительного зала:

— Там, внизу, сидит Фань Чэньюнь! Я обещал ему помочь вернуть настоящий цинь, уговорить Беллу. Старику девяносто семь лет! Ты его в могилу свести решил этим безумием?!

— В могилу? — Ли Цзиньцю искренне удивился. Он потащил растерянного пианиста к самому краю кулис, откуда сцена и первые ряды были как на ладони. — Сам посмотри. Старик же в полном восторге.

Из-за кулис им был отлично виден Беллу. Скрючившись в своем кресле-каталке, старик не отрывал взгляда от Чжун Ина. Его сухие губы беззвучно шевелились, мелко подрагивая в такт безумному ритму.

Да, эта музыка пугала, она дышала яростью и предчувствием беды, но на лице Беллу застыло выражение благоговейного трепета. В его мутных, выцветших глазах горел такой лихорадочный блеск, что сомнений не оставалось: он жаждал этого звука.

Доменико все еще колотило от страха, но сделать он ничего не мог. Да, аранжировка была дикой, агрессивной, а сочетание до минора и си-бемоль мажора казалось кошмарным, но если юбиляру нравится... может, пронесет?

Немного успокоив себя этой мыслью, пианист уже собрался было вернуться в зал, как вдруг Ли Цзиньцю железной хваткой вцепился в его плечо.

— Куда ты? Самое интересное только начинается. Послушай финал нашего нового набата.

— Еще и финал?! — Доменико снова похолодел.

Звуки оркестра стали постепенно затихать, пока не угасли совсем. В абсолютной тишине зала остался лишь чистый, уверенный голос циня Чжун Ина. Настало время сольной каденции. Тонкие пальцы юноши с силой ударили по струнам, и характер мелодии резко переменялся.

Это не была праздничная импровизация на тему возрождения природы. Из-под его пальцев рвалось «Сражение к югу от городских стен» — древняя песнь скорби по павшим воинам, когда-то переложенная Шэнь Линем.

Мелодия плакала и стонала. Звуки десяти струн, горькие и пронзительные, разносились под сводами Музыкального театра Флоренции. Даже если бы эти стихи перевели на итальянский, вряд ли здешняя публика до конца прочувствовала бы их скрытый смысл. Но за слова говорила сама музыка.

Рокот циня походил на злобный крик воронья, кружащего над полем брани.

«Бьемся к югу от стен, умираем к северу от застав. Павшие в диком поле останутся без могил, и стервятники пожрут наши тела...»

Беллу явственно услышал этот каркающий крик из своего далекого прошлого. Ему снова было шестнадцать, и они с отцом шли по влажной каменной мостовой после дождя.

Отец тогда озабоченно проговорил:

— Японцы захватили озеро Цинлин, вести дела становится все труднее. Они настоящие варвары.

— И когда мы вернемся домой? — с надеждой спросил юный Беллу.

Отец посмотрел вперед и тихо ответил:

— Сначала нужно навестить лучшего мастера игры на цине в этих краях. Если уговорим его поехать с нами в Италию, сразу двинемся обратно.

Тогда шестнадцатилетний Беллу презирал все китайское. Он вспомнил, как брезгливо поморщился и спросил:

— И кто он такой? Неужели его инструмент звучит лучше, чем рояль Микеланджели?

Отец не ответил, лишь снисходительно улыбнулся.

А со сцены неся плач старинного циня, вызывающий от имени мертвых:

«Прошу вас, вороны, оплачьте нас, бездомных странников! Коль суждено нам сгнить в степи без погребения, разве смогут наши кости скрыться от вашего взора?»

Старик вспомнил, с каким недовольством он переступил порог того сырого китайского дома. Ему казались дикими эти непривычно высокие стулья и квадратные чайные столики.

Общество изящных созвучий минувшего — отец постоянно повторял это странное название. Юноша немного понимал язык, и этот иероглиф «и» — означавший нечто утерянное, посмертное — казался ему дурным предзнаменованием. Но отец был одержим этой встречей и настоял на визите.

Беллу помнил, как они вместе с переводчиком шли по узкому, темному переходу, где пахло затхлостью и дождевой влагой. И вдруг из глубины дома донеслись первые аккорды циня — столь тоскливые и прекрасные, что он замер как вкопанный.

В просторной зале сидели двое мужчин. Один, в европейской рубашке и брюках, с аккуратной короткой стрижкой, затаив дыхание, слушал музыку. Другой же, в белоснежном традиционном халате, сидел у инструмента. Длинные пряди волос мягко падали ему на лицо. Его руки взлетали над струнами, рождая звуки, которые Беллу запомнил на всю оставшуюся жизнь.

В тот миг для него перестал существовать шум дождя на каменных плитах двора, он не слышал восторженных замечаний молодого человека в рубашке. Лишь подобострастный шепот переводчика, обращенный к отцу, врезался в память:

— Господин Шэнь играет на десятиструнном цине. Его мастерству нет равных в поднебесной.

Пальцы Чжун Ина задрожали на струнах, извлекая вибрирующий, тягучий звук.

«Шумят бурные воды, гнутся под ветром темные камыши. Отважные всадники пали в бою, лишь их кони бродят сиротами среди мертвых тел, оглашая степь тоскливым ржанием...»

Перед глазами старика встали прибрежные заросли тростника, в нос ударил тонкий, горьковатый аромат чая. Он позабыл, о чем именно беседовали его отец и Шэнь Лин, но отчетливо помнил, как вспылил молодой китаец в рубашке, пытаясь выставить незваных гостей за дверь.

Тогда Шэнь Лин остановил его мягким, но твердым жестом и произнес те самые слова:

— Чжюань, нельзя быть столь неблаговоспитанным.

Не успел отец Беллу рассказать о величии европейской музыки, как со двора донесся тяжелый, мерный шаг подкованных сапог. В дом ворвались японские солдаты. Сопровождавший их коллаборационист дико заорал:

— Шэнь Лин здесь! Хватайте его!

Музыка на сцене становилась все яростнее, вторя ужасу его воспоминаний:

«Разрушены дома под мостом, куда идти — на юг или на север? Сжаты поля врагами, что станет есть государь? Хотели мы остаться верными слугами своей земли, но разве нам позволили?»

Шэнь Линя увели под конвоем прямо на глазах Беллу. Молодой человек в рубашке в отчаянии бросился следом. В суматохе солдаты крушили изящный фарфор, переворачивали чайные столики. Беллу видел, как исчезали из комнат старинные бронзовые сосуды.

А потом...

Потом он услышал лихорадочный, возбужденный шепот отца, дававшего указания переводчику:

— Найди главу семьи Шэнь! Скажи, что я итальянский подданный, я могу гарантировать безопасность его сына!

Их визит, задуманный как приглашение талантливого музыканта в Европу, превратился в грязную сделку. Они убедили убитого горем старика-отца, что вызволят Шэнь Линя из тюрьмы, если тот отдаст им на хранение семейные реликвии.

Время пощадило детали, стерев их из памяти Беллу. Но он до сих пор помнил изможденного главу рода Шэнь, который после долгих отказов все же сдался и привез в их временное пристанище тяжелые сундуки с бесценными сокровищами.

У старика не оставалось выбора. После ареста Шэнь Линя японцы разоряли их усадьбу день за днем, требуя написать сыну письмо — заставить его играть для оккупантов, угрожая вырезать всю семью до единого человека. Семья Шэнь оказалась загнана в угол.

Каждая струна «Изящного созвучия» теперь кричала, требуя справедливости для погибших:

«Скорблю о верных сынах отечества, чья гибель не будет забыта! Ушли они в бой на рассвете, но сумерки не вернули их домой...»

Беллу состарился. Кое-что ушло навсегда, но главное осталось неизменным. Он помнил, как отец с алчной улыбкой пересчитывал трофеи:

— Японцы не выпустят этого музыканта живым. Ему конец, его семье конец, их хваленому обществу тоже. Но нам чертовски повезло! Все это добро скоро лишится хозяев. И тогда полноправными владельцами станем мы.

Он помнил отца, сидевшего у пылающего камина в итальянском поместье с письмом в руках. Два листа: один — перевод на итальянский, заверенный послом, другой — покрытый изящными, летящими иероглифами Шэнь Линя. Тот самый китайский дипломат с угодливой улыбкой вещал:

— Господин Шэнь прислал это письмо из далеких краев в надежде, что дружба между нашими народами пребудет вовеки.

Музыка, заполнившая Зал Роз, безжалостно сорвала покровы с тайн, которые Беллу годами прятал от самого себя. Его охватил первобытный ужас. Он смотрел на Чжун Ина, окутанного мертвенно-белым светом софитов.

Он понимал, что слышит вовсе не изысканную древнюю мелодию, и уж точно не ту парадную музыку, о которой трубили старые газеты. Это было острое копьё, безжалостно вонзенное ему в хребет, ворочающееся в ране и извлекающее на свет божий окровавленные тайны его ничтожной души.

Голоса мертвецов, тихие и настойчивые, подбирались все ближе, пока наконец не уселись невидимыми призраками на его согбенные плечи. Они шептали ему прямо в уши:

«Господин Беллу, вы так и не поняли Китай. Не поняли главного закона этой земли: у каждого деяния есть последствия, и колесо сансары совершит свой полный оборот».

«Шэнь Лин никогда не винил вас за украденные сокровища своего рода. Он знал, что на войне каждый спасает шкуру как может. Он лишь хотел вернуть свое "Изящное созвучие"».

««Изящное созвучие», сработанное из вековой древесины, не могло само по себе превратиться в труху за несчастные шестьдесят лет. Это вы сгноили его в своем подвале!»

Воспоминания, которые Беллу пытался похоронить на дне памяти, вздымались в его сознании черными штормовыми волнами. Тот истощенный, смертельно больной человек в поношенной одежде, чей образ преследовал его всю жизнь, встал прямо перед ним. Его бледное, искаженное мукой лицо походило на лик мстительного демона. Каждое его слово безжалостно било наотмашь по больной совести старика.

Беллу судорожно вцепился в подлокотники кресла. Он наивно полагал, что давно все забыл, но память услужливо воскресила каждый слог, каждую интонацию той давней беседы. Хриплые китайские слова, значения которых он когда-то не понимал, теперь зловещим эхом кружили над вибрирующими струнами циня. Именно от этого ужаса он в панике требовал от реставраторов любой ценой восстановить тот гнилой кусок дерева, заново собрать инструмент, выставить его напоказ в витрине и в конце концов избавиться, сплавив Фань Чэньюню.

Он думал, что победил. Ведь он пережил всех своих врагов и свидетелей тех лет. Цинь оставался в его коллекции.

Но почему теперь эти проклятые голоса, шепчущие о возмездии, войне и вечной разлуке, не умолкают? Они обступили его со всех сторон, подобно неистовому адскому пламени, готовому поглотить его грешную душу.

Сцена буквально утопала в ослепительном сиянии.

Чжун Ин сделал резкое движение рукой назад — все десять струн содрогнулись в едином мощном аккорде, взмывшем к самым небесам.

В гробовой тишине зала, где еще не успели грянуть аплодисменты, внезапно раздался полный паники выкрик:

— Господин Беллу!

<http://bllate.org/book/20108/1998746>